

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ВОСПИТАНИИ ВОИНОВ

В статье раскрываются особенности применения потенциала религии в воспитании воинов. Установлены причины, начальный этап и характер применения потенциала религии. Путем анализа научных источников выявлена и охарактеризована специфика организационного применения потенциала язычества и православия в формировании личности воина.

Ключевые слова: религия восточных славян, дружина, христианский воин, духовенство, православие.

D.V. Shutko

ESTABLISHMENT OF PRINCIPLES OF RELIGIOUS EDUCATION BUILDING FOR WARRIORS

The article describes the features of the application potential of religion in the education of soldiers. The reasons, the initial stage and the nature of the potential of religion are established. By the analysis of scientific sources the specificity of the organizational capacity of paganism and Orthodoxy in shaping the personality of a warrior is identified and characterized.

Keywords: religion of the Eastern Slavs, squad, Christian soldier, clergy, Orthodox.

С момента возникновения военной организации в человеческом обществе ведущим элементом морально-психологической готовности войск выступали религиозные верования. Поэтому проблема проведения воспитательной работы с верующими военнослужащими не нова. Она берет свое начало с практик военной магии. Война признавалась как проявление божественной воли. Вера в непосредственное присутствие или участие богов в войне приводила к принятию священных военных клятв, священных знамен и символов, ритуальных очищений воинов перед сражением и погребение погибших. Русь не была исключением. Связь между церковью и армией, сложившаяся издавна, поддерживалась на протяжении веков.

Исторический путь развития славянских племен Восточной Европы был намечен и предопределен ситуацией VI–VII вв., когда русский союз племен выдержал натиск кочевых воинственных народов и использовал свое выгодное положение на Днепре, являвшемся путем на юг для нескольких десятков северных племен днепровско-го бассейна. Киев, державший ключ от днепров-

ской магистрали и укрытый от степных набегов широкой лесостепной полосой, стал естественным центром процесса интеграции восточнославянских племенных союзов [9].

Воинами считались все взрослые мужчины. Дружины комплектовались физически сильными воинами. Возглавлял воинов рода обычно старейшина племени – вождь или выборный военачальник – воевода. Когда войны были относительно редки, на них выходило все мужское население племени. Рост прибавочного продукта племен позволял содержать людей, основным занятием которых было военное дело.

Вокруг племенных князей стали группироваться люди, для которых война постепенно превратилась в источник существования, а военное дело – в профессию. Зарождались военные княжеские дружины, жившие в военное время за счет военной добычи, в мирное – с княжеского «стола». Это были группы воинов, не подотчетных народному собранию и преданных только лично князю. Дружины создавались обычно из представителей родоплеменной знати и незнатных людей, выделявшихся личной храбростью [5, с. 15].

В русском войске с давних времен большое внимание уделялось духовному состоянию воина. Желавшим вступить в воинские братство на-

¹ Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики НОУ ВПО «Российский новый университет».

значался испытательный срок и весьма серьезный экзамен. Причем экзамен подразумевал испытание не только чисто профессиональных качеств – ловкости, силы, владения оружием, но и обязательную проверку духовных качеств, а также мистическое посвящение, так как в древнейшие времена воинские союзы носили тайный и насквозь мистический характер. В то время служителями культа являлись волхвы и колдуны, которые были посредниками между людьми и богами, совершали обряды, моления и жертвоприношения. Они своими молитвами, ритуальными действиями, жертвоприношениями содействовали военным успехам дружины, всего войска. Они также слагали и передавали из поколения в поколение былины, сказания о воинских подвигах и мужестве защитников родины [4, с. 23].

Религия восточных славян состояла в поклонении физическим божествам, явлениям природы и душам усопших. Основываясь на определенных указаниях современников, мы находим при поклонении многим различным явлениям природы под разными именами божеств поклонение одному верховному божеству, которому остальные подчинялись. Это верховное божество, по свидетельству одного из древнейших писателей о славянах, Прокопия, было божеством молнии, которое летописец называет Перуном [5, с. 25]. На значимость его указывает то, что, заключая договор, князь и его дружина клялись: «Если же не соблюдем... будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса...» [5, с. 19].

Почти два столетия Киевская Русь была языческой державой, которой требовалось религиозно-идеологическое подкрепление государственности и власти киевских князей. В 980 г., после того как князь Владимир овладел киевским престолом, он совершил языческую реформу с целью: во-первых, подчеркнуть суверенность молодого Русского государства (Руси) по отношению к христианской Византии; во-вторых, укрепить положение великого князя, главного военачальника державы, так как во главе пантеона стал бог грозы и воинских успехов. Кроме того, этим действием Владимир отодвигал на задний план наемных дружинников-варягов. Он строго относился к наемникам и, когда они после водворения мира начали бесчинствовать, великий князь выгнал их из Руси. Новый русский пантеон был противопоставлен не только византийскому христианству, но и скандинавскому язычеству, от которого не было взято ничего. В-третьих, реформа значительно расширяла религиозно-идеологическое воздействие многогранностью и глубокими историческими кор-

нями нового пантеона, в который входили «Перуна древяна, а главу его сьребряну, а ус злат, и Хьрса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Макошь». В киевском пантеоне князя Владимира вполне закономерно на первое место поставлен воинственный Перун, именем которого клялись бояре, дружинники и сам князь [9].

О христианстве на Днепре впервые услышали еще из уст апостола Андрея – ученика самого Христа. Так подробное описание речного пути Андрея «из варяг в греки и из грек по Днепру» переходит в легенду о путешествии апостола на языческую Русь. Однако массовая христианизация русских славян и превращение православия в государственную религию стала возможной лишь в десятом веке. Летописи связывают рассматриваемые события с именем Владимира – великого равноапостольного князя, внука Ольги. В первые годы правления Владимир, как и его предшественники, поклонялся древним славянским богам (языческим идолам), которые у каждого племени были свои. Но интересы объединения земель и укрепления власти требовали кроме военной силы единой для всех восточных славян веры, которую не смогла дать проведенная им языческая реформа.

Выбор Владимир сделал в пользу христианства. Как сообщает летопись, великий князь Владимир крестился в греческом городе Корсуни (Херсонесе) в 988 г., в церкви св. Василия. Вместе с ним крестилась почти вся его дружина. 988 год принято считать годом принятия Русью православия в качестве государственной религии. С тех пор стали быстро складываться священные воинские традиции. Войско почувствовало себя частью Церкви и получило от Церкви благословение и освящение. Перед каждым походом русское войско приходило в храм, где воины сообща причащались Святых Христовых Тайн. Перед сражениями служились молебны, и в бой русские шли под хоругвью с изображением лика Спасителя. Началось почитание святых Божиих угодников и икон [5, с. 10]. В ходе распространения христианства на Руси стал формироваться тесный союз служителей веры с русским воинством.

В церковном языке слово «воин» имеет особое значение. Среди святых, почитаемых Церковью, целый сонм воинов-мучеников – римских легионеров и военачальников, «убиенных за веру во Христа». Среди них – Феодор Стратилат и Дмитрий Солунский; покровитель русского воинства святой великомученик Георгий Победоносец. Церковь традиционно почитает святых русского происхождения: св. равноапостольного князя Владимира и его сыновей Бори-

са и Глеба, первыми причисленных к лику святых; князя Михаила, Всеволода Черниговского, Александра Невского, Дмитрия Донского. Это были не просто полководцы, не просто правители, властители Древней Руси, но и «яркие светочи Веры и жизни по ней, подвижники особого исторического призвания» [5, с. 62].

В православной традиции воин, подобно государственному правителю, носит оружие для обороны правого, необходимого и священного дела своего отечества, своей родины. Он обороняет свободную духовную жизнь своего народа на земле, умеет для этого умирать, убивая, и убивать, умирая. В этом умирании есть самоотречение и высшая жертва, достойная христианина. В убивании есть две стороны. Одна – жестокая и враждебная основам веры, которую воин принимает в порядке служения высшей цели. Другая – жертвенная, ибо воин жертвует в бою не только свою жизнь, но еще и свою невинность в крови ближнего [6, с. 66].

Христианизация Руси в конце X в. происходила в русле ее главных политических задач, которые заключались в следующем: создание единого государства, которое решающим образом содействовало бы завершению процесса формирования единой нации; сознательный выбор своего места в системе цивилизованных государств; определение главных очагов угрозы извне и сосредоточение усилий на этих направлениях для отражения возможного нападения [5, с. 41]. Со временем союз государства и Церкви стал прочным скрепом духовного единства земель Руси. Религиозные интересы общества эпохи выбора веры были изначально связаны с преодолением вооруженной конфронтации и милитаризма, что было способно предопределить сам характер христианской культуры [7, с. 21].

Христианизация Руси представляется процессом протяженностью около 200 лет. При этом становится очевидным, что основные события принятия новой веры имели определенный военный контекст. Этот контекст не мог не оставить особых последствий в раннехристианском сознании Древней Руси и характере ее культуры, которые были связаны именно с милитарным и протестным статусом первых русских христиан, а также с особенностями этносоциального состава русской дружины [7, с. 29–30]. Неоднородность социальной среды христианства и различие идейных и организационных направлений внутри новой религии определялась проникновением новой веры как «сверху», так и «снизу». Распространение христианства «сверху» имело место в дружинно-княжеской среде, тогда как «снизу» оно распространялось через купцов,

пленных славян и лиц, «работающих» в Византии. После 988 г. определяющим фактором в развитии христианства на Руси становится его распространение «сверху» [7, с. 40].

После Крещения Руси важную роль в воспитании воинов играла церковь. Греческий священник с крестом стал сопутствовать дружине в походах и ее ратных делах [1, с. 138]. Первоначально обязанности по духовному обеспечению «служивых людей» возлагались на духовенство, находившееся при дворе князя (великого князя, царя), так как основу русского войска составляла княжеская дружина, являвшаяся высшим классом русского общества и, собственно, военным классом [4, с. 29]. Однако это представление не исчерпывает всей многогранной сложности взаимоотношений. Необходимо учитывать особенности социальной структуры древнерусского общества, которые отразились и на его военной организации, и связи этой организации со структурой церковной. Дружина представляла собой особый социальный слой военно-служилой знати, концентрирующийся вокруг князя [7, с. 42]. Наравне с княжеской дружиной участие в походах принимали городовые полки (тысячи), которые имели определенную структуру (сотни и десятки, командиры которых избирались), не предполагавшую специального духовенства. Такой порядок сохранялся и в последующем, во времена Московского централизованного государства. Духовенство, находившееся при дворе царя, исполняло богослужения и требы в полках и в мирное, и в военное время [4, с. 29].

Под влиянием христианства война теряла свое идейное обеспечение языческой мифологией и обрядностью, связанные с ней христианские ритуалы не замещают, а вытесняют их в процессе религиозного творчества. Однако деритуализация армии и возникновение новой военной эстетики – процесс развития внешней культуры, который представляется гораздо более легким, чем инфильтрация евангельских норм в поведение вооруженного субъекта. Но и она имела место в истории христианского общества, причем одним из ее механизмов было замещение традиционных образов и идеалов в литературе и фольклоре того времени, прежде всего в дружинном эпосе [7, с. 76].

Христианский воин вступал в особые отношения со смертью и будущим временем, бросая ей вызов и надеясь победить как ее, так и сопутствующее ей неумолимое время. Эта черта представляется весьма характерной для идеологии «дружины Господней». Прежде всего, такие наблюдения культурно-антропологического характера связаны с эпохой христианизации древ-

них обществ. С периодом становления христианства в Древней Руси соотносится активизация культурно-психологического процесса «приручения смерти». Отмеченный процесс, когда человеческая кончина перестает восприниматься обществом с безнадежным страхом, должен быть признан закономерностью надрегионального характера [7, с. 82].

Православие воспитало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которых Россия никогда не устояла бы против своих многочисленных врагов. Христианское учение о бессмертии личной души, о повинении высшим властям не за страх, а за совесть, об отдаче жизни «за други своя» во многом определило высочайшие качества боевого духа русского воинства – рыцарственного, бесстрашного и в то же время великодушного [5, с. 5]. При стоящем выборе перед «Господней дружиной» в Древней Руси – «умирать или убивать» – ответ содержится в образе первых русских святых. Речь не идет лишь о князьях Борисе и Глебе, которые предпочли собственную кончину эскалации гражданской войны на Руси. В данном случае важнее приоритеты, расставленные образом действий исторических персонажей. Они подчеркивают важность жертвенного служения выбранному идеалу вплоть до собственной смерти. И это внутреннее движение – подвиг – доминирует над идеей убийства врага или обидчика во имя собственных идеалов. Естественно, что на войне убивают, но не в этом видели самоцель представители первых поколений русских христиан, о чем свидетельствуют их агиологические предпосылки. Изменения типа святости на Руси при переходе к позднему Средневековью будут свидетельствовать и об изменении идеалов и идеологии христианского общества [7, с. 92].

Необходимость позиционировать себя как христиан, подчеркивать и демонстрировать, а подчас и защищать свой новый религиозный статус требовала привлечения к достижению этой цели всех подручных средств, в том числе и военной организации общества и его оружейной культуры [7, с. 94]. Лики русских святых и православная символика осеняли боевые знамена победоносных русских армий во всех сражениях, начиная с XIII века [2, с. 60]. Появившаяся духовная символика на стягах определила их святыней для воинов наравне с иконами, а назначение в «стяговщики» (знаменщики) было для воинов великой честью и доверием. Русские летописцы упоминают о «великих стягах» (великокняжеских), которые находились на почетных местах под охраной княжеской дружины – от-

борнейшей частью русского войска. Кроме того, еще различались княжеские и воеводские стяги, которые служили знаменами для составных частей русской рати. Великокняжеский стяг Дмитрия Донского был красного цвета с образом Христа Спасителя, изображение Спаса было на Руси символом только великого князя [3, с. 51]. В дружинной среде и связанном с ней социальном окружении получила наибольшее распространение традиция ношения христианских символов, в первую очередь нательных крестов, подчеркивающих религиозную принадлежность их владельцев.

Древняя Русь славилась благочестием своих воевод. Вот только несколько тому примеров: князь Псковский Довмонт (во св. крещении Тимофей), не знавший поражения в боях, когда шел сражаться, брал благословение у духовника, и духовник сам препоясывал его мечом. Возвращаясь, князь возводил храм в честь святого, в день памяти которого было сражение. Великий князь Андрей Боголюбский брал с собой во все походы чудотворную икону Владимирской Божией Матери, которую особенно чтит и для которой специально построил во Владимире Успенский собор, поражавший всех богатством и великолепием. Св. Андрей установил также праздник Покрова Божией Матери, воплощающий веру в покровительство Пресвятой Богородицы Русской земле (этот праздник не был известен ни латинскому Западу, ни греческому Востоку), и оставил после себя церковные литературные труды. Великий князь Дмитрий Донской накануне Куликовской битвы торжественно перенес из Владимира в Москву чудотворную икону св. Дмитрия Солунского, а в память воинов, павших на Куликовом поле, установил Димитровскую родительскую субботу [5, с. 11]. О высокой духовности русских князей говорит тот факт, что многие, следуя примеру Александра Невского, перед кончиной принимали схиму. Это стало своего рода обычаем. Для самого Александра примером, вероятно, послужил его дед Мстислав Удалой, который перед смертью принял схиму [5, с. 112].

В труднейшие периоды для Руси, когда с востока надвигались, уничтожая все на своем пути, монголо-татарские полчища, а с запада – рыцарские, всё делалось для сохранения Веры. Определяя войну вообще как бедствие и несомненное зло, православие объявляет войны в защиту Отечества священными, а погибающих в них воинов – совершающими подвиг жертвенной любви, ибо нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих [4, с. 23].

Русь надолго, более чем на 200 лет, попа-

дает под монголо-татарское иго, которое затормозило ее культурное и экономическое развитие, перекроило политические и географические карты русских земель, но в этих условиях Вера жила в народе и объединяла русские земли. При этом Русь не покорилась западу, не приняла католичество. Защита западных рубежей государства легла на плечи Александра Невского. Осознавая роль православия в жизни Руси, Александр Ярославович, получив известие о вторжении крестоносцев, обратился к дружине: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии во оружии, и сии на конях, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог» [5, с. 87].

Церковь призывала воинство к единству, мужественной и самопожертвенной защите Отечества в период войн, смут, раздробленности и междоусобиц, она всегда благословляла своих сыновей-воинов на защиту родной земли. Здесь уместно вспомнить преподобного Сергия Радонежского, который благословил святого великого князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем и даже дал ему в помощь двух иноков, бывших воинов – Александра Пересвета и Андрея Ослябю, произнеся такие слова: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Другой наш святой – святитель Макарий, митрополит Московский (1482–1563) написал в 1552 году целое пастырское послание царю Иоанну Грозному и его войскам, находившимся в Казанском походе. В этом послании мы найдем все основные черты церковного учения о войне и воинском служении. В своем послании святитель Макарий приводит примеры воинской доблести и веры из Священного Писания, житий святых [8, с. 29].

Таким образом, мы можем свидетельствовать о том, что на рассмотренном нами историческом этапе потенциал религии широко использовался в формировании и развитии личности воина.

Литература

1. Амельченко, В.В. Дружины Древней Руси. – М., 1992.
2. Армия и религия / под редакцией Зюскевича А.Е. – М., 1994.
3. Григорьев, А.Б. Вера и Верность : очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. – М. : Кучково поле, 2005.
4. Давлетшин, В.Р. Военное духовенство в России XVIII – начала XX веков и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы : исторический анализ : дис. ... канд. истор. наук. – М., 2000.
5. Золотарев, О.В. Стратегия духа армии : Армия и Церковь в русской истории, 988 – 2005 гг. : антология. – 2-е изд., доп. : в 2-х кн. – Челябинск : Социум, 2006.
6. Ильин, И.А. О христолюбивом воинстве // Христолюбивое воинство / Российский военный сборник. – Вып. 12. – М., 1997.
7. Мусин, А.Е. Milites Christi Древней Руси : воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2005.
8. Полохов, Д. Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры : дис. ... канд. богословия. – М. : МДА, 2000.
9. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси <http://www.bibliotekar.ru/rusYazRusi/index.htm>.
10. Савинкин, А.Е. Возрождение христолюбивого воинства // Христолюбивое воинство : православная традиция Русской Армии. – М., 1997.